

11-й КЛАСС АНАЛИТИЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Выполните целостный анализ прозаического или стихотворного (на ваш выбор) произведения. Работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

Василий Шукшин

СТЕПКИНА ЛЮБОВЬ

Весной, в апреле, Степан Емельянов влюбился. В целинщицу Эллочку. Он видел ее всего два раза. Один раз подвез из города до деревни - ничего. Сидели рядом и молчали. На ухабах полуторку подкидывало. Девушка прислонялась к Степану и всякий раз смущенно смотрела на него, точно хотела сказать: «Вы, конечно, понимаете, что не сама же я хочу этого». И отодвигалась на самый край сиденья. А Степан - ничего, даже не смотрел на девушку. Насвистывал себе «Амурские волны» и думал об аккумуляторе (у него аккумулятор сел).

Подъехали к деревне, девушка полезла в сумочку за деньгами.

Степан слегка зарумянился в скулах.

- Бросьте вы...

- Почему? - Девушка вскинула на него зеленоватые, прозрачные глаза. - А что?

- Ничего. - Степан «кинул» скорость, газанул и уехал.

«Бывают же такие красивые!» - подумал он о девушке. И все. И забыл о ней.

Мотался неделями по нелегким алтайским дорогам, ночевал где придется, видел других девушек, и красивых, и не очень красивых - всяких. Мало ли девушек на белом свете! Обо всех думать - голова распухнет.

Наступил апрель.

Как-то в субботу заехал Степан домой. Помылся в бане, надел вышитую рубаху, новенькие, мягкого хрома сапоги, выпил ковш крепкой медовухи и пошел в клуб смотреть постановку. Должны были играть свои, деревенские артисты. Степан очень любил, когда играли свои. Интересно. Знаешь человека вот с таких лет, приходишь в клуб, глядь - тот же Гришка Новоселов, скажем, бегаёт по сцене с бородой по пояс и орет дурным голосом: «Живьем тебя сгною, такой-сякой!..»

Степан всегда хохотал в таких случаях, и на него всегда шикали соседи и говорили, что он не понимает, что к чему.

Сел Степан поближе к сцене и стал смотреть. И видит: выходит на сцену та самая девушка, которую он подвез из города. Такая же красивая, только спокойная и какая-то очень важная: голова чуть откинута назад, русые косы по пояс, в красных сапожках. Ходит медленно, голову поворачивает медленно, а голос родной какой-то. Степан почему-то начал волноваться. Он узнал ее сразу. Только он не думал, что она такая красивая. То есть он знал, что она красивая, но не так.

Потом на сцену вышел один нахальный парень, Васька Семенов, колхозный счетовод. В шляпе, в очках, тоже очень важный. В другое время Степан тут обязательно бы захохотал, но сейчас ему было не до смеха. Он смотрел на девушку и ждал, что у них будет с этим Васькой. Он увидел, как заблестели глаза девушки, как вся она как-то съежилась, как будто испугалась чего. Степану стало жалко ее.

- Зачем ты пришел? - спросила она.

- Я не могу без тебя! - говорит этот дурак громко, на весь зал.

- Уходи, - говорит девушка, но как-то так, что слышится больше: «Не уходи».

- Я не уйду, - говорит Васька и подходит к ней ближе.

Степан вцепился руками в край скамьи. Он знал, что этот Васька так просто не уйдет. И не успел он глазом моргнуть, как счетоводишка ловко обнял девушку за плечи, чуть завалил на левую руку и поцеловал. Степан видел губы девушки после поцелуя -

припухшие, чуточку влажные, приоткрытые. Они вздрагивали в стыдливой, счастливой улыбке. У Степана потемнело в глазах. Он встал и вышел из клуба.

На улице прислонился к столбу и долго не мог прийти в себя.

«Как же так!..» - думал он.

Три дня ходил Степан сам не свой. (Машину он поставил на ремонт.) Он узнал, что девушку зовут Элла, что она из города Воронежа, работает учетчицей в тракторной бригаде. И все. Хотел было поговорить с Васькой Семеновым, чтоб тот не особенно наигрывал в постановке, но вовремя одумался: это ж не по правде у них. Люди засмеют.

Как-то вечером Степан начистил до блеска свои хромовые сапоги и направился... к Эллочке. Дошел до ворот (она жила у стариков Куксиных), постоял, повернулся и пошел прочь. Побрел за деревню, к реке. Сел на сырую землю, обхватил руками колени, уронил на них голову и так просидел до утренней зари. Думал.

Он похудел за эти дни; в глазах устоялась серьезная, черная тоска. Ничего не ел почти, курил одну за одной папирасы и думал, думал...

- Чего это ты? - спросил его отец.

- Так... - Степан задавил сапогом окурки и снова полез за папиросами, а сам смотрел в сторону.

Эллочку он не видел ни разу за это время. В клуб больше не ходил.

На четвертый день Степан заявил отцу:

- Хочу жениться.

- Ну? Кого хочешь брать? - поинтересовался Егор Северьяныч, отец Степана.

- Это... новенькую... учетчицу... - тихо ответил Степан, недовольно глядя мимо отца в окно. Егор Северьяныч задумался.

- Ты с ней знакомый?

- Та-а... - Степан засмеялся. - Нет.

- Я сватать не пойду, - твердо заявил Егор.

- Почему?

- Не хочу позора на старости лет. Знаю я такое сватовство: придешь, а девка ни сном, ни духом не ведает. Сперва договорись с ней. Погуляй малость, как все люди делают, тогда пойду сватать. А то... Ты вечно, Степка, наобум Лазаря действуешь. Учил тебя, учил, все без толку.

Этот разговор слышал дед Северьян, отец Егора. Он лежал на печке хворый.

- Скажите, какой прынец выискался: сватать он не пойдет, - сердито сказал Северьян. - Ты забыл, Егор, как я за тебя невесту ходил провожать?

Егор Северьяныч недовольно нахмурился, закурил. Долго молчал. Чего говорить, сам он в молодости был такой же, как Степан: боялся на девку глаза поднять.

- Я могу, конечно, сходить, - заговорил он, - но только... я думаю, не пойдет она за тебя.

- Пойдет! - сказал дед Северьян, - За такого парня любая пойдет.

- Почему ты думаешь, что не пойдет? - спросил Степан, чувствуя, что холодеет изнутри.

- Городская ж она... черт их поймет, чего им надо. Скажет - отсталый.

- Сам ты отсталый, Егор, - опять встрял Северьян. - Сейчас не глядят на это. Сейчас девки умнее пошли. Я старый человек и то это понимаю.

В четверг с утра отец с сыном собрались на сватовство.

Степан опять надел вышитую рубаху, долго приглаживал перед зеркалом прямые, жесткие волосы.

Егор Северьяныч, болезненно сморщившись, ловил негнуцимися, темными пальцами маленькую скользкую пуговицу на ширинке новых брюк, с великим трудом вгонял ее в тугую петельку.

- Сошьют же, оглоеды! - ругался он. - Не лезет, хоть ты что. Хоть матушку-репку пой.

Степан пригладил волосы, остановился посреди избы, соображая, что еще сделать над собой.

- Надень галстук, - посоветовал дед Северьян.

- На вышитую рубаху не идет, - пояснил Степан.

Собрались наконец.

Егор Северьяныч тронул огромной ладонью затылок, озадаченно посмотрел на отца.

- А пол-литра-то брать с собой или нет? Они ведь теперь по-новому все живут, не поймешь ничего. Дед Северьян подумал.

- Возьми в карман, - посоветовал он. - Понадобится - она при себе.

Пошли.

День был солнечный, звонкий. Текли ручьи. Небо отражалось в лужах; синие осколки его там и здесь весело сверкали на черной земле. Апрель всюду бушевал на дорогах.

Шли молча. Старательно обходили лужи, чтобы не замарать сапоги.

У Куксиных огромный домина выстроен.

В первых двух комнатах никого не было. Егор Северьяныч приуныл: он думал, что сейчас разведет лясы со стариком Куксиным и в разговоре как-нибудь вставит:

«А мы ведь к вам того, по делу...» Старик обязательно помог бы ему. Теперь же надо проходить прямо в горницу, где жила Элла.

Отец с сыном переглянулись и направились к горнице.

Егор казанком указательного пальца осторожно стукнул в дверь.

- Да! - ответили из горницы.

У Степана больно подпрыгнуло сердце.

Егор Северьяныч приоткрыл половинку двери, с трудом протиснулся внутрь. Степан - за ним. Стали у порога.

Прямо перед ними за столом сидел Васька Семенов, а рядом с ним, близко, Эллочка.

Чай попивают. Васька без пиджака, в шелковой желтой рубахе, выбритый до легкого сияния. Сидит, как у себя дома, свободно, даже развалился немного. Смотрит на Емельяновых ласково и глупо.

Эллочка легко поднялась с места, подставила гостям стулья.

- Проходите, садитесь, пожалуйста.

Егор Северьяныч, глядя на Ваську, прошел и сел. Потом оглянулся на сына. У Степана во всю щеку полыхал горячий румянец. Он точно прирос к полу.

- Садитесь, что вы стоите! - весело крикнула Эллочка. - Вы что, его никогда не видели?

Степан сел, положил на колени фуражку.

Некоторое время молчали.

Эллочка, готовая рассмеяться, бросала взгляды то на Степана, то на Егора, то на Ваську. Васька тоже ничего не понимал.

- Слушаю, товарищи. А я помню вас, - повернувшись к Степану, весело сказала Элла. - Я однажды ехала с вами из города. Вы тогда очень сердитый были.

Степан мучительно улыбнулся.

А Васька счел необходимым пошутить:

- Левачков, значит, подбрасываем, Степан Егорыч? Нехорошо!..

Егор Северьяныч еще раз глянул на гладкое Васькино лицо, нагнул по-бычьей голову и сказал прямо:

- Мы, девка, сватать тебя пришли.

Эллочка от неожиданности приоткрыла рот.

- Как?..

- Ну, как сватают! Сын вон у меня, - Егор кивнул в сторону Степана, - хочет, чтобы ты за него выходила. Если ты согласная, конечно.

Элла взглянула на Степана.

Тот сжал до отеков кулаки, положил на колени и внимательно их рассматривал. На лбу у него мелким бисером выступил пот. Он не вытирал его.

- То есть замуж?.. - спросила Элла и покраснела.

- Куда же еще, - вздохнул Степан. И посмотрел в глаза Ваське.

Васька хохотнул и пошевелился на стуле. И уставился на Эллу. Она стояла около стола, розовая от смущения, старательно снимала белыми пальчиками соринку с платья.

- Поздно хватился, Степа, - громко сказал Васька и опять пошевелился на стуле. - Опоздал.

Степан на этот раз не удостоил его взглядом, смотрел неотступно, требовательно и серьезно на девушку, ждал. Смущение его отчего-то прошло.

Эллочка вдруг резко подняла голову, глянула на Степана зеленовато-чистыми глазами. И стыд, и ласка, и упрек, и одобрение, и что-то еще, невыразимо прекрасное, робкое, отчаянное было в ее взгляде. У Степана дрогнуло от радости сердце. Никто бы не смог объяснить, что такое родилось вдруг между ними и почему родилось. Это понимали только они двое. Да и то не понимали. Чувствовали.

И в этот-то момент Васька брякнул:

- Мы скоро поженимся, Степа...

И так это у него глупо вышло, что он даже сам подумал: не надо бы ему так говорить.

Егор Северьяныч встал было и пошел из горницы, но Элла как-то вся вдруг встрепенулась, даже немного излишне поспешно сказала:

- Куда вы? Сват называется! Я-то вам еще ничего не ответила.

Она быстро приходила в себя. Она не смотрела на Степана, но Степан... Степану неважно было, смотрит она на него или нет. Степан весь горел от стыда и радости. Никакие силы не подняли бы его сейчас с места и не заставили уйти.

Егор Северьяныч остановился. Васька сидел красный и растерянный. Он с ужасом тоже начал что-то понимать.

- Садитесь. И давайте чай пить, что ли.

Эллочка сначала растерялась, потом заговорила уже уверенно и с какой-то другой теперь веселостью, чем вначале, - с решительной веселостью.

Все были в ожидании того, что сейчас непременно произойдет.

- Может, мне лучше уйти? - громко спросил Васька, и голос его дрогнул от обиды. Васька погибал, погибал прямо и просто. Он даже не пытался спастись.

- Я считаю, что да, - тоже громко сказал Степан. Он немного поторопился. Не надо бы так тоже. Но уж тут ничего не сделаешь. Их было двое, и один должен был уйти. Оба действовали грубо. И кого-то одного Эллочка должна была извинить.

Васька на этот раз тоже не удостоил Степана взглядом: он смотрел на Эллу. Элла опять покраснела и глянула на Егора Северьяныча, который все еще стоял посреди горницы и переводил глаза то на одного, то на другого, то на третью. Он совсем не мог сообразить, что тут происходит. Эллочка невесело рассмеялась.

- Вот положение-то! Хоть бы помог кто-нибудь. Ну, почему вы стоите-то! Садитесь же!

Она даже ногой слегка пристукнула. Ей было нелегко.

Васька поднялся со стула. Стал надевать пиджак. Он его как-то очень медленно надевал. Все ждали, когда он, наконец, наденет его.

- Эх, Степа, жалко мне тебя, - сказал Васька.

И пошел из горницы. На пороге еще оглянулся, зло и весело посмотрел на всех и вышел, крепко хлопнув дверью.

Некоторое время в горнице было тихо.

Степан осторожно вытер со лба пот. И улыбнулся.

- Нет, вы как хотите, а я сейчас выпью, - сказал Егор Северьяныч, подходя к столу. - Я даже ослаб от такого сватовства.

1961

Владимир Соколов

Ученический зимний рассвет.
На окне ледяные подтёки.
Я не знал до шестнадцати лет,
Как бывают пленительны строки.

Я пропал! Но кому объяснишь,
Что она меня вновь отстояла
Этим снегом, свисающим с крыш,
Словно съехавшее одеяло.

Ранним утром на прорубь окна
Я гляжу, не спеша из постели.
У меня есть тетрадка одна,
Для которой нет места в портфеле.

Спите, улицы! Спи, календарь!
Через день, виновато сутулясь,
Я скажу, что замазал январь
Белым снегом названия улиц.

Я портфельчик под мышку возьму.
От зимы воротник побелеет.
Я о том не скажу никому,
Что в тетрадке моей лиловеет.

И не смог я дорогу найти.
Но в училище был небывалом...
Я ворочаюсь под одеялом,
Я встаю. Надо в школу идти.

Вот растёт из сугроба метла,
Вот оплывшая наша колонка,
Как задутая свечка, бела
Ото льда, затвердевшего ломко.

У меня есть тетрадка одна.
Там грядущие зреют напасти.
Там каракули, там письмена.
Но хоть лаврами путь разукрасьте,

Мне отныне спасения нет.
Всё, что пройдено, вижу в обломках.
Ученический зимний рассвет.
Тонет улица в ранних потёмках.

Хоть наметьте любой юбилей,
Я туда убегу без оглядки,
В тот рассвет, что синей и белей
Ученической чистой тетрадки.

1965

ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Герои чеховского рассказа «Учитель словесности» в один из вечеров оживленно обсуждают творчество А.С. Пушкина.

Прочитайте этот фрагмент рассказа:

Теперь за чаем спор начался с того, что Никитин заговорил о гимназических экзаменах.

- Позвольте, Сергей Васильич, - перебила его Варя. - Вот вы говорите, что ученикам трудно. А кто виноват, позвольте вас спросить? Например, вы задали ученикам VIII класса сочинение на тему: «Пушкин как психолог». Во-первых, нельзя задавать таких трудных тем, а во-вторых, какой же Пушкин психолог? Ну, Щедрин или, положим, Достоевский - другое дело, а Пушкин великий поэт и больше ничего.

- Щедрин сам по себе, а Пушкин сам по себе, - угрюмо ответил Никитин. - Я знаю, у вас в гимназии не признают Щедрина, но не в этом дело. Вы скажите мне, какой же Пушкин психолог?

- А то разве не психолог? Извольте, вам примеры. И Никитин продекламировал несколько мест из «Онегина», потом из «Бориса Годунова».

- Никакой не вижу тут психологии, - вздохнула Варя. - Психологом называется тот, кто описывает изгибы человеческой души, а это прекрасные стихи и больше ничего.

- Я знаю, какой вам нужно психологии! - обиделся Никитин. - Вам нужно, чтобы кто-нибудь пилил мне тупой пилюю палец и чтобы я орал во всё горло, - это, по-вашему, психология.

- Плоско! Однако вы все-таки не доказали мне: почему же Пушкин психолог?

Когда Никитину приходилось оспаривать то, что казалось ему рутинной, узостью или чем-нибудь вроде этого, то обыкновенно он вскакивал с места, хватал себя обеими руками за голову и начинал со стоном бегать из угла в угол. И теперь то же самое: он вскочил, схватил себя за голову и со стоном прошелся вокруг стола, потом сел поодаль.

За него вступились офицеры. Штабс-капитан Полянский стал уверять Варю, что Пушкин в самом деле психолог, и в доказательство привел два стиха из Лермонтова; поручик Гернет сказал, что если бы Пушкин не был психологом, то ему не поставили бы в Москве памятника.

Какова была бы ваша позиция в развернувшейся дискуссии? С кем из ее участников вы бы согласились, а кому возразили? По каким именно аспектам? Приведите необходимые аргументы.

Заинтересовала ли вас тема сочинения, которую Никитин дал ученикам? (кратко объясните свою позицию). Сформулируйте ту тему, на которую вам было бы по-настоящему интересно писать о Пушкине.

Оформите Ваш ответ в виде связного текста.